

DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.058
УДК 316.423.3:394.2 + 394.4

Е. В. Барышева

*Российский государственный
гуманитарный университет
Москва, Россия*

КОММЕМОРАЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ В СОВЕТСКОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ 1920–1930-х гг.

Статья посвящена актуализации событий революции 1917 г. в процессе государственных праздников 1920–1930-х гг. Интерпретация революции как героического события, открывшего путь в светлое будущее, создавала миф о революции, который активно презентовался в ходе праздничных мероприятий. В ходе празднования годовщин Октябрьской революции складывалась официальная трактовка истории как самой революции, так и советского государства.

Как особый тип памятных мероприятий революционные праздники выполняли не только рекреационную задачу, но и играли мобилизующую роль, а также конструировали в сознании советских граждан память, которая отвечала бы задачам власти о формировании «нового» человека. Эмоционально воздействуя на общество, праздники консолидировали население и создавали каноническую систему символов и риторических фигур.

Большинство информационно-пропагандистских задач решалось в том числе и благодаря изменению атмосферы повседневной жизни: массовый, возвышенно-эмоциональный характер праздничных мероприятий способствовал внедрению в сознание граждан новых духовных ценностей и правил поведения, которые транслировались как единственно верные.

Степень воздействия праздничного ритуала на сознание участников была усилена за счет его художественно-эстетического оформления. Волнение, испытываемое участниками демонстраций и парадов, запоминалось ими надолго, и праздник воспринимался как элемент отдыха, рекреации после тяжелых будней.

В СССР юбилейные торжества превратились в ежегодный формализованный ритуал праздника с театрализованными шествиями и демонстрациями трудящихся.

К л ю ч е в ы е с л о в а: коммеморация; революция; праздничная культура; миф; ритуал; символы; интерпретация революции.

Ц и т и р о в а н и е: Барышева Е. В. Коммеморация революции в советской праздничной культуре 1920–1930-х гг. DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.058 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 235–244.

*Поступила в редакцию 13.06.2019
Принята к печати 17.07.2019*

Elena V. Barysheva*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia*

THE COMMEMORATION OF REVOLUTION IN THE SOVIET FESTIVE CULTURE OF THE 1920s–1930s

This article considers the actualisation of the events of the Russian Revolution of 1917 in the process of public holidays between the 1920s and 1930s. The interpretation of the Revolution as a heroic event which helped pave the way to a brighter future, created the myth of revolution, which was actively presented during festive events. The course of anniversary celebrations of the October revolution faced the establishment of a new interpretation of both the revolution and the Soviet state.

As a special type of commemorative events, the revolution-related holidays not only performed a recreational task, but also played a mobilising role and constructed a memory in the minds of Soviet citizens that would respond to the tasks set by the authorities about the formation of a “new” person. Emotionally affecting society, the holidays consolidated the population and created a canonical system of symbols and rhetorical figures.

Most information and propaganda tasks were carried out, among other things, by means of changing the atmosphere of everyday life: the mass and elevated nature of the festive events helped impose new spiritual values and rules of behaviour on social mentality which were interpreted as the only true ones.

The degree of influence of the festive ritual on the participants’ consciousness was enhanced by its artistic and aesthetic presentation. They remembered the excitement experienced during demonstrations and parades for a long time and the holiday was perceived as an element of rest and recreation after hard everyday life.

In the USSR, anniversary celebrations turned into an annual formalised ritual of celebration with theatrical processions and demonstrations of working people.

Key words: commemoration; revolution; festive culture; myth; ritual; symbols; interpretation of revolution.

Citation: Barysheva, E. V. (2019). Kommemoratsiia revoliutsii v sovetskoi prazdnichnoi kul'ture 1920–1930-kh gg. [The Commemoration of Revolution in the Soviet Festive Culture in the 1920s–1930s]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 3 (190), 235–244. doi: 10.15826/izv2.2019.21.3.058

*Submitted on 13 June, 2019**Accepted on 17 July, 2019*

Любое общество нуждается в мифах и порождает мифы, служащие поддержанию его идеологии. Так и миф о коммунистическом обществе как обществе равных был использован для легитимации Великой русской революции.

Память о революции служила поддержанию мифа о легитимности революционных изменений. Политические и демографические перемены, которые имели

место в течение двух последующих десятилетий, нуждались в идеологической поддержке, чему способствовало распространение большевистского мифа о закономерности революции, в том числе и в ходе праздничных мероприятий. Миф, подхваченный революционно настроенным населением и оформленный соответствующим образом художниками и артистами, способствовал складыванию нового слоя граждан, которые воспринимали историю революции как рассказ о единственно верном выборе в развитии Российского государства, совершенном большевиками. Таким образом, формировалась «коллективная память общества», необходимая, как отмечал М. Хальбвакс, в социальной практике для выживания общества и являющаяся залогом его идентичности. Память о революции, образ революции, который складывался у современников, а не само событие как таковое, играли роль символической репрезентации и способствовали передаче опыта и сведений о прошлом. М. Хальбвакс называет такой прием оживления исторического прошлого типом памяти, который конструирует и консолидирует социальные группы [Хальбвакс].

Празднества и ритуалы как необходимый элемент «коллективной памяти» были рассмотрены в трудах Яна Ассмана и Пьера Нора. Разработанная в 1990-е гг. немецким ученым Я. Ассманом теория культурной памяти предполагает и наличие понятия *символической культурной памяти*, которая культивирует воспоминания в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках, формализуя традицию воспоминания. Французский историк Пьер Нора также рассматривает праздничные церемонии в качестве мест памяти [Ассман; Нора].

Патрик Хаттон вслед за Морисом Хальбваксом считал, что коллективная память — это «сложная сеть общественных нравов — ценностей и идеалов, отмечающая границы нашего воображения в соответствии с позициями тех специальных групп, к которым мы относимся. Именно через взаимосвязь этих отдельных образов формируются социальные рамки... коллективной памяти» [Хаттон, с. 129].

Среди многочисленных вариантов влияния на общество советская власть активно использовала обрядность, создавая особый тип памятных мероприятий. Революционные праздники не только выполняли рекреационную задачу, но и играли мобилизующую роль, а также конструировали в сознании советских граждан память, которая отвечала бы задачам власти о формировании «нового» человека. Эмоционально воздействуя на общество, праздники консолидировали население и создавали каноническую систему символов и риторических фигур.

Со временем революционные праздники стали частью жизни и быта советского человека и оказывали действительное влияние на формирование политической культуры общества. Они способствовали формированию идеи преемственности между революционным прошлым, героическим настоящим и светлым коммунистическим будущим. В ходе праздника не просто демонстрировалось наличие в социалистическом обществе новых духовных ценностей и правил поведения: новые принципы организации общества внедрялись в сознание

граждан как единственно верные. Праздничные мероприятия носили массовый и возвышенно-эмоциональный характер, что способствовало решению большинства информационно-пропагандистских задач. Важнейшие идеи, мысли, соображения, связанные с праздником, переживались и осваивались коллективом, массой, становясь со временем их идеями.

Эмоционально-приподнятое настроение способствовало запуску таких закономерностей и механизмов социальной психологии, как подражание, заражение, внушение, пример, убеждение и т. д. Праздники были средством не только пропаганды и демонстрации новых духовных ценностей, но и мобилизации политической и хозяйственной активности трудящихся масс. Рабочие и крестьяне должны были демонстрировать успехи в хозяйственном и культурном строительстве в ознаменование каждой годовщины революционного праздника. В процессе коллективного переживания праздника люди испытывали наибольший эффект сопричастности не только по отношению к конкретному мероприятию, но и к событию, которое стало причиной праздника.

Степень воздействия праздничного ритуала на сознание участников была усилена за счет художественно-эстетического оформления. Волнение, испытываемое участниками демонстраций и парадов, запоминалось ими надолго, и праздник воспринимался как элемент отдыха, рекреации после тяжелых будней (хотя на самом деле таковым не был, так как обязательное участие в демонстрации уже тогда многими воспринималось как принуждение).

Массовость мероприятий придавала им ореол авторитетности и непререкаемости позиций. Поэтому годовщины Октябрьской революции стали не просто праздниками, а вехами в истории страны, в ходе которых писалась такая история революции и советского государства, какой ее хотела видеть партийная власть.

Интерпретация революции как героического события, открывшего путь в светлое будущее, только в первую ее годовщину в 1918 г. носила характер скорби в память о погибших в революционном огне товарищах. Затем юбилейные торжества превратились в ежегодный формализованный ритуал праздника с театрализованными шествиями и демонстрациями трудящихся. Современные исследователи отмечают создаваемый посредством праздников образ легитимного большевистского государства как логическое завершение революционного движения [Рольф, с. 73–75; Барышева].

Пьер Нора, размышляя об истории Франции, пишет: «каждый год и каждый месяц требует своей порции обязательных или сфабрикованных годовщин» [Нора, с. 96]. Для нового советского государства также требовались свои годовщины и юбилеи революции 1917 г. Проходящие из года в год, в одно и то же время празднества становились ритуалами, стандартизированными коммуникативными действиями, в которых общение происходило не просто через знаки, но и через символы.

Агитационно-пропагандистская деятельность партии большевиков, связанная с революционными празднованиями, особенно широко развернулась в первый год диктатуры пролетариата. Именно в это время массово-политическое

воздействие революционных торжеств было особенно необходимо. В соответствии с задачами политического воспитания трудящихся праздники активно использовались как для политической информации населения, разъяснения сущности, пропаганды дальнейшего развертывания социалистических преобразований, так и для воспитания масс, расширения социальной базы советской власти, приобщения к политической жизни новых слоев рабочего класса, пролетарской молодежи и тружеников деревни.

В годы гражданской войны празднования носили также и мобилизующий характер: они не только агитировали за советскую власть, но и организовывали массовую запись добровольцев на командирские курсы, сбор пожертвований и отправку подарков красноармейцам [Шерпелев, с. 10].

Организацией революционных праздников и юбилеев занимался Центральный комитет партии. Его агитационно-пропагандистский отдел рассылал на места циркуляры, письма, телеграммы о характере и задачах праздничных кампаний, утверждал призывы, лозунги, тексты воззваний, обращений, листовок. Для местных пропагандистов издавались пособия и рекомендации. На местах эту работу проводили соответствующие отделы губкомов, горкомов, укомов, райкомов, волкомов партии, а также местные партийные ячейки, советские, общественные организации и специально организованные праздничные комиссии.

Ежегодные праздничные мероприятия и демонстрации трудящихся 7 ноября стали своего рода спектаклями, игравшимися по определенному сценарию, со временем принявшие черты политического ритуала.

Отмечать праздник революции стали с первой его годовщины в 1918 г., и с самого начала существования советского государства он был одним из самых значительных явлений социального порядка.

Тогда же начинают складываться праздничный ритуал и элементы символической репрезентации власти. Для первых лет советской власти были характерны театрализованные постановки на площадях и улицах города. Городское пространство заполняется театрализованными многолюдными представлениями. Праздничные мероприятия в первую годовщину сводятся к маршам колонн, торжественным похоронам жертв революции (как, например, на Марсовом поле в Петрограде) и сжиганию символов старого мира под пение «Марсельезы». Традиционные центры праздничных шествий — Марсово поле, а затем Дворцовая площадь (Площадь Урицкого). Обрядовая сторона ограничивалась «шествиями с оркестрами, знаменами и пением» [Пиотровский, с. 56].

Историческую хронику праздников воссоздал в 1926 г. Адриан Пиотровский — один из режиссеров-постановщиков театрализованных представлений на улицах Петрограда, ставший впоследствии руководителем киностудии «Ленфильм».

А. Пиотровский обращал внимание, что первыми участниками революционных празднеств стали красноармейцы. И не только потому, что это была наиболее активная часть общества, но и в связи с тем, что военная организация и дисциплина способствовала в 1918–1920-х гг. массовости праздничных мероприятий.

Особую роль в создании юбилейного мифа играло и то, что руководителями Красной армии были непосредственно сами участники революции. Ни о какой самодеятельности или низовой инициативе в это время говорить не приходится.

Ярким примером создания представления об исторических событиях 1917 г. стало разыгранное красноармейцами в 1919 г. к годовщине Февральской революции «игрище» «Свержение самодержавия». Обрядово-бытовой принцип манифестации и митинга, положенный в его основу, способствовал его восприятию неосведомленным населением. Драматургически и сценически изображая «манифестацию», сопровождавшуюся монологами и песнями, а также имитацией митингового крика [Пиотровский, с. 74], представление разыгрывалось неоднократно в казармах, на лестницах зданий, на Дворцовой площади. Постепенно трансформируясь содержательно и обрастая новыми подробностями, к концу 1919 г., т. е. ко второй годовщине Октября, «Свержение» было дополнено частью, посвященной октябрьским событиям, и переименовано в «Красный год». К декламациям и митинговым речам добавилась балаганная интермедия, в которой участвовали символические фигуры врагов революции — «генерал», «министр», «поп», «капитал», ставшие впоследствии постоянными участниками всех театрализованных политических карнавалов [Там же, с. 75]. В заключительной части по сюжету на противоположных мостках противостояли друг другу «Керенский» с юнкерами и «Вождь рабочих». Далее изображался «штурм» рабочих и бегство юнкеров. Для этой постановки была создана «Красноармейская театральнo-драматургическая мастерская» (1919–1920) [Там же, с. 74].

Изменилась топография театрального пространства. Раздвигая и ломая жесткие рамки условностей театральной сцены, революционные «игрища» выходили на улицы и площади городов, нетрадиционные и несценические пространства обеспечивали массовость и побуждали к активному участию [Там же, с. 75].

Условность сценического времени и пространства давала зрителю и условность в понимании хода исторических событий, не позволяя задуматься о соответствии изображаемых событий реальным. Переходы в сценарии празднества от 1905 г. к 1917 г. «без занавеса и антракта» [Там же, с. 76] создавали представление о преемственности в революционном движении и ее закономерном итоге — Октябрьской революции.

Постепенно театральные постановки отошли в прошлое, а элементы театрализации были внесены в демонстрации и шествия в виде праздничного карнавала.

Официальный дискурс праздничных мероприятий тщательно формировался и контролировался властью. Как следствие, миллионы людей учились видеть и воспринимать новые духовные и нравственные ценности, создаваемые взамен разрушаемых революционными сдвигами в обществе, так, как это предлагалось идеологами большевизма.

Кроме того, партийными организациями широко проводились беседы, торжественные заседания, собрания, доклады, лекции, беспартийные конференции и делегатские собрания. Организовывались специальные агитпоезда,

агиттрамваи в городах и агитповозки в деревнях, вечера воспоминаний старых коммунистов, клубные вечера, массовые демонстрации и уличные шествия.

Неотъемлемой частью каждого революционного праздника являлись инсценировки, карнавальные шествия, концерты, спектакли и кино. Особой популярностью пользовались массовые театрализованные представления, отражавшие героику первых лет советской власти.

В праздничные дни активно реализовывался план монументальной пропаганды. Постановка памятников и обелисков во время революционных празднований (а только в Москве за время октябрьских торжеств 1918 г. было воздвигнуто 11 памятников и обелисков) формировала места памяти.

Десятью годами позже, подчеркивая важность празднования революционных дат, нарком просвещения А. В. Луначарский отмечал, что каждый праздник, каждая годовщина революции — «это подведение итогов, это планы на будущее, это смотр своих сил». При этом он обращал внимание на психологический аспект праздника — «момент высокого коллективного переживания, коллективной радости», который и должен был оказывать воздействие на общество. Форма раскрытия революционной темы должна была быть «приподнятой», «парадной» [Луначарский, с. 126].

Участники ритуализированных парадов, демонстраций, митингов советского периода воспроизводили и интерпретировали события революции, закрепляли их в своем собственном сознании и сознании будущих поколений. Опираясь на исследования Мориса Блоха, можно говорить о том, что коммуникативный код ритуала советских государственных праздников был весьма формализован, что выражалось в склонности к ораторству с трибун и использовании таких архаичных форм, как маски и костюмы, во время политических карнавалов [Bloch, p. 123–138].

Политические празднества достаточно быстро начинают доминировать в повседневной жизни городского населения, превращаясь в политические ритуалы.

Важной функцией исполнения ритуала является формирование общественных эмоций. К. Белл отмечает, что ритуалы «формируют опыт искупительной гармонии», который заключается в требовании идеала справедливости и справедливого вознаграждения [см.: Feuchtwang; Bell]. В советской практике это означало утверждение, что существующая власть является социально искупительной. Участие в ритуале также являлось частью обучения, предлагая опыт модельной ситуации — в каждом конкретном случае участие в юбилейных мероприятиях навязывало эмоциональное восприятие революции как единственно верного пути развития общества, а отождествление себя с другими членами общества предполагало следование за советской моделью поведения. Значительную роль в закреплении новой модели поведения населения играли изменения, происходившие в стране, в первую очередь экономического плана.

Ежегодные ритуалы празднования создавали определенную память о событии, которое при повторении закреплялось в сознании. В зависимости от частоты

повторения, знание того, что произошло, пополнялось, его контекст менялся в зависимости от исторической и политической ситуации. Юбилеи революции были не только и не столько средством для воспоминаний. Прошлое, как миф, призвано было объяснять и направлять. Это отразилось в многочисленных речах и докладах, которыми изобиловали все праздничные мероприятия. Ни один митинг, ни одна демонстрация не обходились без выступления руководителей партии и государства, участников революционных событий. Риторика публичных выступлений менялась, но основные принципы построения речей оставались неизменными.

Советский государственный праздник, как и любой другой праздник, соответствует основным теоретическим положениям праздника как ритуала, где ритуальное повествование о героическом прошлом как о мифе, как о прошлом, объясняет, направляет или имеет смысл настоящего и его универсальной истины [Feuchtwang, p. 287].

Революционное прошлое в государственных праздниках первых лет советской власти представало как уникальное повествование о событиях и обстоятельствах, в котором оно становилось образцом для настоящего. Памятные обряды конструировали общее прошлое текущего настоящего. При этом создание «истории» провоцировало корректировку настоящего. Таким образом, можно говорить, что сложившийся в первую четверть существования советской власти ритуал празднования годовщины Октябрьской революции 1917 г. был элементом воспитания, отражал взаимное признание памяти, событий и эмоций. Опираясь на человеческую память, ритуал выполнял функции обучения памяти, создания запоминающихся переживаний и обмена различными воспоминаниями с целью организации публичного совместного подчинения ему и насаждения его как «нашего», «единственно правильного» [Ibid., p. 295].

При рассмотрении массовой политической культуры периода 1920–1930-х гг. нужно обратить особое внимание на факторы, формирующие массовое сознание: с одной стороны, деятельность и мотивы действий образованных лидеров, с другой — смысл, вкладываемый в эти действия следующими за ними массами. На восприятие политической власти большое влияние оказывают также политические установки, стереотипы, ценности и традиции, существующие в социальных группах. Их укоренению в массовом сознании способствовала организованная соответствующим образом практика коммеморации. В большевистской России именно коммеморативные практики оказали влияние на складывание государственного ритуала празднования революционных юбилеев и дат.

В ходе эволюции ритуалы формировали свой рассказ о революционных днях и событиях революционной борьбы. Под их влиянием складывались легенды о героической борьбе рабочего класса за освобождение от буржуазно-капиталистического гнета. При этом надо иметь в виду, что ритуалы — это предсказуемые речевые и телесные действия, которые имеют определенную последовательность. По сравнению с обычной речью ритуал гораздо менее коммуникативен, он не логичен, а декларативен, и является не высказыванием, а проявлением

традиционного авторитета. Он обладает иллюзорной силой власти. Ритуал — это спектакль, которому сознательно подчиняются и зрители, и участники действия. Что ожидается от завершения ритуала-спектакля? Внушение идеи обновления жизни в результате революции и уверенность, что никогда больше не вернется старый режим, формируется твердая решимость, что жертвы революции были принесены во благо светлого будущего [подробнее см.: Feuchtwang, p. 282].

Изменения в социуме, происходившие в первые годы советской власти, коснулись и пространства между историей и памятью. Процесс потери культурных практик мира дореволюционного и возникновение практик «пролетарских» формировало новые формы «исторического воспоминания», которое проявлялось в организации праздничных ритуалов. Такого рода организованные «исторические воспоминания» служили задаче объединения людей под определенной идеологией [Winter, p. 313–314]. Собравшись вместе на праздничном мероприятии, посвященном очередной годовщине революции, советские люди делились своими воспоминаниями не просто как памятью, а создавали общий рассказ о революции, который их объединял. Стирая в памяти воспоминания о жизни до революции, советские граждане должны были идентифицировать себя в обществе.

День 7 ноября как день свержения старого режима и установления нового символизировал новый порядок и вызов его всемирным врагам. Мускульная гордость, которой веяло от физкультурников, принимавших участие в демонстрациях, или от военных, маршировавших на Красной площади и других площадях по всей стране, демонстрировала авторитет революции как внутри страны, так и внешнему миру. Создание таких памятных дат было частью более широкого движения в рамках того, что некоторые ученые называли «изобретением традиции» [Feuchtwang, p. 316].

Источники

Луначарский А. В. О детском революционном празднике // Луначарский А. В. О массовых празднествах, эстраде и цирке. М. : Искусство, 1981. С. 126.

Пиотровский А. Хроника ленинградских празднеств 1919–1922 годов // Массовые празднества. Сборник комитета социологического изучения искусств / Гос. ин-т истории искусств ; предисл.: Н. Извеков. Л. : Academia, 1926.

Исследования

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Барышева Е. В. Политические дискурсы государственных праздников // Будущее нашего прошлого : материалы всерос. науч. конф., Москва, 15–16 июня 2011 г. / [редкол.: А. П. Логунов (отв. ред.) и др.]. М. : РГГУ, 2011. С. 55–65.

Нора П. Как писать историю Франции // Франция-память / [Пьер Нора и др. ; пер. с фр. Д. Хапаевой]. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999.

Рольф М. Советские массовые праздники. М. : РОССПЭН, 2009.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.

- Хаттон П. История как искусство памяти. СПб. : Владимир Даль, 2003.
- Шерпелев Л. И. Агитационно-пропагандистская работа Коммунистической партии в связи с проведением революционных праздников и юбилеев (1918–1927 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00 / Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький, 1971.
- Bell C. *Ritual Theory, Ritual Practice*. Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 1992.
- Bloch M. *Ritual and Deference* // Bloch M. *Essays on Cultural Transmission*. Oxford : Berg, 2005. P. 123–138.
- Feuchtwang S. *Ritual and Memory* // *Memory: Histories, Theories, Debates* / ed. by S. Radstone, B. Schwarz. New York : Fordham Univ. Press, 2010. P. 281–298.
- Winter J. *Sites of Memory* // *Memory: Histories, Theories, Debates* / ed. by S. Radstone, B. Schwarz. New York : Fordham Univ. Press, 2010. P. 312–324.

References

- Assmann, J. (2004). *Kul'turnaia pamiat'. Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory. Letter, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian)
- Barysheva, E. V. (2011). *Politicheskiye diskursy gosudarstvennykh prazdnikov* [Political Discourses of Public Holidays]. In A. P. Logunov (Ed.), *Budushcheye nashego proshlogo* [Future of Our Past] (pp. 55–65). Moscow: RGGU. (In Russian)
- Bell, C. (1992). *Ritual Theory, Ritual Practice*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Bloch, M. (2005). *Ritual and Deference*. In M. Bloch, *Essays on Cultural Transmission* (pp. 123–138). Oxford: Berg.
- Feuchtwang, S. (2010). *Ritual and Memory*. In S. Radstone, & B. Schwarz (Eds.), *Memory: Histories, Theories, Debates* (pp. 281–298). New York: Fordham University Press.
- Halbwachs, M. (2005). *Kollektivnaya i istoricheskaya pamiat'* [Collective and Historical Memory]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2–3 (40–41), 8–27. (In Russian)
- Hatton, P. (2003). *Istoriya kak iskusstvo pamiati* [History as an Art of Memory]. St Petersburg: Vladimir Dal. (In Russian)
- Nora, P. (1999). *Kak pisat' istoriiu Frantsii* [How to Write the History of France]. In P. Nora et al., *Frantsiya-pamiat'* [France-Memory]. St Petersburg: St Petersburg State University Press. (In Russian)
- Rolf, M. (2009). *Sovetskiye massovyye prazdniki* [Soviet Mass Holidays]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
- Sherpelev, L. I. (1971). *Agitatsionno-propagandistskaya rabota Kommunisticheskoi partii v svyazi s provedeniem revolyutsionnykh prazdnikov i yubileev (1918–1927 gg.)* [Propaganda Work of the Communist Party in Connection with the Revolutionary Holidays and Anniversaries (1918–1927)] (doctoral dissertation). Gorky State University named after N. I. Lobachevsky, Gorky. (In Russian)
- Winter, J. (2010). *Sites of Memory*. In S. Radstone, & B. Schwarz (Eds.), *Memory: Histories, Theories, Debates* (pp. 312–324). New York: Fordham University Press.

Барышева Елена Владимировна

кандидат исторических наук,
заведующая кафедрой истории и теории
исторической науки
Российский государственный
гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская пл., 6
E-mail: barysheva.ev@gmail.com

Barysheva, Elena Vladimirovna

PhD (History), Head of the Department
of History and Theory of Historical Studies
Russian State University for the Humanities
6, Miusskaya Sq., 125993 Moscow, Russia
Email: barysheva.ev@gmail.com
Researcher ID: Y-7820-2018
Scopus ID: 57191610083